

**«Наш дом Россия»:
Глобальные русские, передвигающиеся тела, и пост-советская энтропия.**

Элиот Боренштейн

Россия, которую мы потеряли

В период правления Билла Клинтона, где-то между «преобразованием» правительства и разглагольствованиями по поводу значения глагола «быть», американские журналисты временно углубились в дебаты на тему «Кто потерял Россию?» представлявшие из себя обвинения по поводу провала внешней политики США в процессе превращения главного врага Холодной войны в послушного союзника. Такие вопросы не стоит толковать буквально, но филологи и знатоки аллегорий знают цену исследованиям различных толкований отдельно взятой фразы. Потеря метафорическая всегда преследуется потерей физической. Курт Воннегут прекрасно продемонстрировал это в романе *Фарс, или Долой одиночество* (1976 г), в которой он выдумал новую протестантскую секту под названием «Церковь похищенного Христа». В ней сектанты пытаются повсюду отыскать Иисуса – под матрасами и в чайных чашках. В сценарии Воннегута, хоть и сатирическом, все равно просвечивается оптимизм в ожидании Второго пришествия Христа, а потерянная Россия, напротив, несет за собой нотки отчаяния. Формирование образа «потерянной» России стал объединяющим ритуалом всего политического спектра: от пещерного консерватора Пата Бюканана в своем блоге, Леона Арона в чуть менее консервативном журнале *The Weekly Standard*, Каспара Уайнбергера из Heritage Foundation до Джорджа Сороса в либеральной газете *New York Review of Books* и Роберта Каплана, рецензирующего оценку Стивена Коена, считавшего, что Вашингтон является основой всех проблем. В Штатах эту проблему все таки не воспринимали буквально и не доводили до крайности: не было выпущено молочных пакетов с картой России и надписью: «Пропала страна. За возврат вознаграждение!»

Американцы не первыми потеряли Россию. Еще за много лет до этого кризиса Россия сама себя постоянно теряла. Знаменитый документальный фильм Станислава Говорухина *Россия, которую мы потеряли*, снятого в 1992 году, заложило основу определения России, как уже давно потерянной страны. В этом фильме символическая география распрощалась с физической, потому что страна все таки еще физически существует и доминирует на Евразийском рынке по недвижимости. И все же дискурс потерянной России не теряет свою силу, приписывая чувство экзистенциальной бездомности именно тем, кто теоретически должен считать Россию своим домом. Но это тоже неново: выбранный мною эпиграф напоминает нам, что Петр Чаадаев в одном из своих философических писем 1829го года уже описывал своих соотечественников, как неких путешественников не чувствующих себя как дома в своем собственном доме. Но по-сравнению с ситуацией постсоветских потомков Чаадаева, его собственная ситуация кажется довольно легкой. Ведь потерянная Россия Говорухина родина

самого Чаадаева. Упущение же им того факта, что эта же Россия взяла Чаадаева под домашний арест объявив сумасшедшим только одно из многих упущений, позволяющих Говорухину видеть царскую Россию сквозь розовые очки.

Но если мы воспримем дословно «потерянную Россию» Говорухина, то мы столкнемся с географической головоломкой еще более загадочной чем той, что обсуждалась американскими журналистами Клинтонского периода: Россия исчезла в то время как на ее территории все еще жили 150 миллионов человек. Риторика потери становится еще более значительной если принять во внимание потерю и империи, и вместе с ней, статуса великой державы: с юридической и с феноменологической для народа стороны Россия 1991 года несравнимо уменьшилась. Ввиду того, что бывшие советские граждане должны были свыкнуться с превращением абстрактных внутренних границ Советского Союза в настоящие препятствия девятые годы стали периодом развития альтернативных символических пространств, как компенсации потери статуса великой державы: Содружество независимых государств (СНГ), рублевая зона, ближнее зарубежье, общее культурное пространство, русское зарубежье, не говоря уже о возобновлении слов, ранее употребляемых только узкими специалистами (россиянин, русскоязычный, и т. п.).

С этой точки зрения определение русского культурного пространства является слиянием лексикографии и картографии. Для определения слов и границ требуются свои отдельные методы. Если географически Россия является центром «русскости» (внутри политической культуры, которая уже давно придает большое значение идее «центральности»), то потеря территорий (республик), влияния соседствующих стран и населения (из-за изменения границ и миграции) оказывают давление на культуру, а с приходом Путина, и на режим, превращающий суверенитет в основное достоинство. В Путинской Росси уклон на риторику «государственности» может быть рассмотрен как некий анти-энтропический рывок; не в прямом смысле открыто аргументированным Путиным и его сподвижниками – «мы спасаем страну от полной разрухи», а в смысле определения российской нации и ее идентичности. «Государственность» противостоит постмодернистскому, пост-территориальному формированию национальной идентичности, и может, с некой долей комфорта, быть проассоциирована со старинной категорией диаспоры.

Россия, которую мы никак не можем найти

С момента развала Советского Союза, интеллигенция и государственные чиновники периодически переживали отсутствие «национальной идеи», которая могла бы заполнить тот вакуум, что был сформирован коммунистическим мессианизмом. Более абстрактно, они переживали отсутствие исторической миссии, являющейся ядром «русской идеи» Бердяева. Но суть в том, что здесь имелась ввиду не «русская идея», а «идея о России». В нынешнем дискурсе в России и о России существуют два (упрощенных) направления: «реконструкция государства» и «центробежность и диаспора». В первом направлении бушуют силы направленные против энтропии чаще всего примыкающие к идеи и механизму власти. Вышеупомянутая «государственность» является наследницей «великой

державы», современной версией средневекового могущественного государства завоевывающего соседствующие земли. Путинский уклон на суверенитет это утверждение структур и границ, также как и компромисс между национализмом и мультиэтническим государством. Близким союзником здесь является русская православная церковь, празднующая свою роль в строении государства через коллективизм и нео-соборность веры. Заграничные связи православной церкви позволяют ей преуменьшать, а не утрировать значение границ и нынешних территорий в дискурсе о целостности страны: Россия это господствующее государство, чья сила проявляется во влиянии на бывшие и будущие «братские народы». Еще более расширенной идеологией является идеология евразийства, особенно в сознании Александра Дугина: в этом случае, судьба нации охватывает более чем один континент и цивилизацию. Но даже евразийство, хоть и энтропическое по форме, все же центростремительное по содержанию.

Идея реконструкции Российского государства отражается и на самом языке. Постоянное употребление имени страны в постсоветских политических движениях является нечто большим, чем инструментом для развития патриотизма. Среди партий, которые, то появлялись, то исчезали с политической арены за последние два десятилетия были такие как российская экологическая партия «Зеленые», Социалистическая единая партия России, Российская партия пенсионеров, Российская партия жизни, Аграрная партия России, Наш дом—Россия, Отечество—Вся Россия, и конечно же, Единая Россия. Зеленых и демократов еще можно понять. Возможно они старались отличить себя от множества других партий мира с идентичными названиями, хотя шансы того, что русский гражданин случайно проголосует за немецких зеленых или американских демократов маловероятны. Уже не существующая партия Черномырдина «Наш дом—Россия» была более чем названием: ведь это же целое предложение, да еще и очевидное (план переместить все население страны, допустим, в Испанию был бы, мягко говоря, непрактичным). Но «Наш дом—Россия» пример глубокой структуры всех названий этих партий, именно из-за неопределенности статуса речевого акта этого названия. На поверхности это чисто констативное изречение, типа английского “the cat is on the mat”. Это изречение может быть правдой или неправдой. Но банальность фразы «Наш дом—Россия», как изречения правды, подсказывает, что ее характер скорее перформативен. Но что она «перформирует»? Она выполняет двойную функцию, подтверждая существование страны и ее населения. Она добивается того, что и все остальные вышеупомянутые партии это просто произнесения имени страны в качестве удостоверения ее существования. Эти названия носят не только патриотический характер, но и фактический. А в некоторых случаях, еще и нарочито пролептический: как будто они все стараются воплотить в жизнь желаемую действительность при помощи волшебства или заколдованного слова. Почти все вышеупомянутые мною партии слились или поглотили друг друга, уступая место «Единой России», чье название противостоит постсоветским переживаниям о потерянной России. Ее сокращенное название «ЕдРоМ» – в основном используемое ее оппонентами – подсказывает нам, что им не хочется подбавлять жару заколдованным словам «Единая Россия».

Напротив, риторика «центробежности и диаспоры» менее утешительна. Большая ее часть поддерживает идею «реконструкции государства» и является

примером доказывающим необходимость централизации. Ранее, я уже обсуждал дискурсивную силу термина «беспредел», этого сленгового слова, в котором сама морфология указывает на опасность отсутствия граней и границ. Сегодня, я акцентирую совсем откровенные биополитические рамки, конструирующие открыто негативные центробежные феномены (негативные, в том смысле, что немногим удастся их освоить, и что в конечном итоге они часто поддерживают процесс реконструкции государства). Позже я переведу тему дискуссии на недавние попытки исследования «децентрализованной» России в позитивных, транснациональных и диаспорических рамках («глобальная Россия»).

Конечно, большинство жалоб постоянно повторяющихся по поводу России 1990ых, могут быть причислены к биополитическим проблемам угрожающим Российскому государству. Во первых, угроза депопуляции: резкое снижение ожидаемой продолжительности жизни, распространение различных болезней, и спад рождаемости. Эти феномены отличаются от прочих тем, что они почти никак не связаны с передвижением и пересечением границ, и соответственно, считаются проблемами появившимися из-за слабости самой страны (первоначально СПИД был исключением, рассматривавшийся как опасность грядущая из вне, но к настоящему времени, к сожалению, являющаяся внутренней проблемой России). Остальные опасности воспринимаются как центробежные проблемы. Например, торговля людьми (траффикинг?) в эпоху 1990ых, приобрела национальный характер, когда экспорт женщин (как добровольных невест или как секс-рабынь) отражался в популярных книгах и фильмах ни как нарушение индивидуальных прав человека, а как унижение отечества в руках жадного Запада. «Экспорт» женщин интерпретировался как проигрыш русских мужчин (которые не в силе овладеть «своими» женщинами) и человеческим примером продажи национального богатства за рубеж. Получается, что женщины равноценны драгоценным металлам, рудам, и углеводородам, с которыми Россия расстается за слишком заниженные цены. А на них такой высокий спрос из-за высокого качества («Наши женщины самые красивые женщины в мире»).

Потери от такой торговли сливались с различными легендами, распространяя тревогу о человеческих телах как о продуктах потребления пересекающих границы. Росли слухи о том, что женщины продаются за высшую цену не только за секс, но и за их внутренние органы. Неподтвержденные сплетни о принудительной торговле органами не сугубо русское явление, но в России они становятся метафорами унижения причиненного национальной целостности. Также они синекдохично репрезентируют коллективное целое распродающееся по кусочкам и в розницу, а не оптом. Здесь уместно вспомнить традиционную риторику предательства, как продажности: Россия покупается и продается, пока как Русская кровь высасывается паразитами. Слухи о продаже органов являются частью еще у другого аспекта биополитического и центробежного воображения – тревоге о транснациональном усыновлении детей. Рассказы о продаже детей на международном рынке для использования их органов неоднократно появлялись в российских СМИ впоследствии последних дебатов об усыновлении (в 1997 году, закон о запрете усыновления из-за рубежа был рассмотрен, но не принят). В прежних и в нынешних дебатах об усыновлении различные взгляды на детей-сирот часто противопоставляются друг другу: с одной стороны, они жертвы нужды и

невзгоды (мнение тех, кто за зарубежное усыновление), а с другой стороны, они дорого ценящийся человеческий ресурс (мнение тех, кто против). Так же как и торговля людьми, зарубежное усыновление ощущалось, как центробежная угроза, при которой дети являются не субъектами, а объектами.

Так как зарубежное усыновление – еще одна тема этой книги – то я не буду здесь в нее углубляться. Достаточным будет добавить, что усыновление, торговля людьми и органами – все это примеры взаимосвязанных дискурсов национальной коммодификации и потери, превращающихся в метафоры не реконструкции нации, а ее разложения. Каждый из них отображает различные слои населения совершенно бессильными. Эти жертвы – эти уже зарубежные тела – не распространяют русские ценности за границей. Напротив, они скорее являются ампутированной частью тела всей страны. Если продолжить эту метафору, то тела русских националистов должны быть сосватаны. То что выглядит с первого взгляда романтическим, антиглобалистическим, антикапиталистическим национализмом может быть истолковано как очередная экономическая формация старого периода. Центробежные угрозы это части и составляющие капитализма. Но их риторическое противостояние друг другу напоминает уже почти забытую меркантильность. Само русское население национальное сокровище, которое должно охраняться так, как сокровища дракона средневековых времен, вместо того, чтобы передвигаться по глобальной капиталистической фантазии торговли и обогащения без малейших трений.

Россия, которую мы несем с собой

Тех, кто пересекает границы, как человек, а не как тело, ожидает менее готическая участь. Эмигранты, переселенцы, гастарбайтеры и международные студенты также включены в рамки биополитики (возможно, что никому невозможно находиться за их пределами). Но они относятся к онтологическим категориям, в которых все-таки возможна доля субъективности, автономности. Например, само выражение «утечка мозгов» (международный феномен, ставший актуальной угрозой в России после открытия границ) построен на метафоре телесности, акцентирующей все-же внутренние качества как образование и интеллект. Более того, многократные волны эмиграции советского и досоветского периодов закрепили установленные стили жизни и социальные организации Русских живущих за рубежом. Но периодизация этих эмиграционных волн не поддается узким представлениям о сущности «русскости»: огромная эмиграционная волна ашкеназов уехавших из страны в течении нескольких десятилетий до начала Первой мировой войны даже не считалась волной русской эмиграции. Эти эмигранты считались евреями с очень слабыми привязанностями к русской культуре (часто они почти не говорили по-русски). Их отъезд был очередной фазой в двухтысячелетней истории еврейской диаспоры. Напротив, третья волна эмиграции при Брежнев все-таки рассматривалась как русское явление, потому что уезжавшие евреи, хоть и считались меньшинством, были полностью интегрированы в жизнь страны.

Советская эмиграция образовала некие диаспоры, которые в основном быстро рассеялись из-за давления ассимилироваться принимающими их странами. Это произошло отчасти от того, что движение эмигрантов было односторонним и бесповторным: за очень маленьким исключением, люди покинувшие Россию или Советский Союз более туда никогда не возвращались. Что могло быть еще более ярким подтверждением исключения из государства, чем отбор гражданства? С биополитической точки зрения эти новые диаспоры являлись лишь невозобновляемыми ресурсами. Русскоговорящее население за рубежом не могло бы «правильно» развиваться и не могло бы рассчитывать на поддержку со стороны родины. Эти волны эмиграции не могли быть тем, что сегодня значится под выражением «транснациональная эмиграция»: для страны эти люди становились потерянными живыми ресурсами. В тоже время, уехав, эти люди фактически сами полностью изолировали себя от дома.

Советская и досоветская эмиграция не являлась простым передвижением с места на место. Уже в середине девятнадцатого века Достоевский описывал переезд в Америку как некое путешествие в преисподнюю (например для Свидригайлова выбор между переездом в Америку и самоубийством был почти неразрешим). В советский период связь между эмиграцией и смертью усиливалась и постоянно отражалась в литературе. Например Булгаков, в своей пьесе *Бег*, описывает белых эмигрантов как мертвецов продолжающих существовать только в звучании своего имени. А героиня *Списка благодеяний* Олеси искупает свой грех одной лишь мысли об эмиграции своей смертью на парижской коммунистической демонстрации. Даже в первые годы перестройки эмиграция подразумевала смерть в общественном мнении. В 1983 году американский документальный телесериал Frontline сделала выпуск под названием «Русские здесь». Когда же он транслировался в России, его название перевели просто как «Бывшие». Не будем забывать и о знаменательном фильме горбачевского периода «Интердевочка», в котором смерть в итоге эмиграции превращается в транснациональный феномен: проститутка по имени Татьяна переезжает в Швецию вместе с ее бывшим клиентом, ставшим в итоге ее мужем. Мать Татьяны кончает жизнь самоубийством после того как узнает о бывшей профессии ее дочери. Сама же Татьяна, в полном расстройстве, разбивается на своей дорогой иномарке.

Развал Советского Союза усложнил понятие диаспоры не его бывших территориях. Эти усложнения резонируют с основными исследованиями диаспор. Советский Союз пересекался с двумя эмиграционными движениями – с вышеупомянутыми евреями для которых Советский Союз был одним из основных, но не эксклюзивных территорий для поселения, и армянами, чья родина находилась на территории СССР (они не считались диаспорой, пока жили в Армянской республике ССР. Их же население в Нагорном Карабахе рассматривалось как некая диаспора на оспариваемой территории Азербайджанской ССР.) Этнические русские живущие на территориях остальных четырнадцати республик формально жили за границей России, но не считали себя частью русской диаспоры. Советская культура и язык были им родны. После 1991го года эти русские оказались этническими меньшинствами, а в отдельных случаях и лингвистическими

меньшинствами, не пересекая ни единой границы. Термин «ближнее зарубежье» -- тоскливое напоминание о еще недавнем прошлом это слабое признание новых перемен за границей. Неожиданно русская диаспора оказалась сразу в нескольких различных местах. А в каждом из этих мест оказалось сразу несколько различных «русских» диаспор. Для русского еврея живущего в Ташкенте были открыты дороги для эмиграции в Израиль или в Америку, но не в Россию. Для этнического же русского существовала некая возможность уехать в Россию, но почти никакой попасть в Америку или в Израиль (за исключением эмиграции в сопровождении супруга или супруги). Но в тоже время, с исчезновением советских ограничений на заграничные поездки и с развитием интернета, условия жизни этих диаспор значительно преобразились. Теперь поездки туда обратно совершаются довольно часто и общение с близкими в режиме реального времени становится все более надежным, обыденным и дешевым.

В то время как русские диаспоры принимали обличье никак не похожее на предыдущие волны эмиграций, научные исследования заинтересованные в глобализации и в переопределении национальных идентичностей акцентировались на переработке основной идеи о диаспоре. В своей знаменательной статье 1990го года «Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy», Арджун Аппадурай изложил свою новую концепцию межнациональных отношений в период постмодерна, выдвинув пять категорий глобального культурного течения: a. ethnoscaples b. mediascaples c. technoscaples d. financescaples e. ideoscaples. Эти «перспективные ландшафты... в итоге управляются теми, кто одновременно и испытывает их и является составляющей частью более обширных формаций, часто исходя из собственного ощущения того, что эти ландшафты предоставляют.» Дебаты о глобальной культуре не просто результат влияния, ассимиляции, или отрицания; ни один из терминов Аппадурая не может адекватно объяснить оставшиеся четыре. Для Аппадурая, диаспора не являлась основной заботой, но его исследования, как и исследования Пола Гилроя, Стюарта Холла, и Стивена Вертовека привели к тому, что Томас Файст называет «неуклюжими партнерами по танцам» имея ввиду диаспору и транснационализм.

К русским диаспорам после 1991го года нужен более нюансированный и многогранный подход в контексте транскультурных процессов. Два десятилетия после развала Советского Союза полны прекрасно запутанных и продуктивных стычек между, с одной стороны, гибкостью постмодернистского подхода к определениям идентичности, идеологии, и культуры, а с другой, передвижением русских и бывших русских, являющимся результатом жесткой, полу-модернистской, полу-средневековой распределяющей системой этноса, не понятой всем остальным миром. Покуда русские националисты заостряются на определении «русскости» как крови и почвы, русские диаспоры продолжают сталкиваться с эссенциализмом исходящего от их новых стран и одновременно стараются дать новое определение русской сущности, которое поможет переместить диаспору с периферии в центр.

Россия, которую мы изобретаем

В 2008м году, русский магнат Михаил Прохоров скооперировался с Владимиром Яковлевым, основателем газеты *Коммерсант*, чтобы основать новый журнал *Сноб*. Журнал был задуман для развлечения и для образования особого круга людей. Этот круг образовался на часто посещаемом сайте snob.ru, чьи пользователи называют свое общество «снобществом». В журнале и на сайте публикуются хорошо написанные, но ничем не впечатляющие статьи, записи на блоге и интервью, охватывающие многочисленные темы для, скорее всего, много путешествующих и не голодающих читателей; например, в другом контексте, статья «Как попасть в элитную американскую школу-пансион» была бы просто неприличной и неуместной. Намного более интересней самого журнала является определение общества для которого он предназначен. Яковлев был опытным создателем броских фраз; многие утверждают, что именно он придумал выражение «новые русские», хотя Хедрик Смит может с этим и не согласится. Извещая о своем новом проекте Яковлев дал новый термин своим читателям – «глобальные русские» -- который может и аналогичен «новым русским», но в то же время проектирует совсем другие ценности.

Термином «глобальные русские» Яковлев хотел обозначить всех тех русских, что бороздили планету пересекая множество границ, выбирая позитивное и космополитское мышление, а не чувства ностальгии, потери, и вытесненного этноса. В 2009ом году Яковлев писал:

На протяжении многих лет для успешных в своей профессии русских интеллектуалов выбор заключался в следующем: быть «совком» или стать иностранцем. Те, кто уезжал из страны, чаще всего это делали, чтобы больше никогда сюда не вернуться и перестать быть совками, а стать американцами/французами/англичанами, то есть принять корни и культуру тех стран, куда они переехали. Последние 5-10 лет формируется совершенно иная модель поведения. Это модель поведения человека, который легко живёт одновременно и в России, и в других странах и при этом не пытается перестать быть совком или стать иностранцем.

Противопоставление между «совком» и «иностранцем» здесь ключевое. «Совок» -- слово определяющее либо весь Советский Союз, либо отдельного жителя СССР, было очень распространено в 1980е годы. «Совок» был гражданином СССР – тупым, пошлым, жадным, и совершенно нецивилизованным (некультурным!??). «Совок» это проекция всех переживаний за отсталость Советского Союза – архетип самоненавистничества, и в итоге, полная противоположность космополита. «Совок» полностью принадлежит своей земле; он деревенщина Советского Союза. «Совок» за рубежом был похож на уродливого американца, но он представлял более большую угрозу идентичности тех с кем он ассоциировался. Возможно, что сильнее всего поведение «совка» за границей выражается в его суматошных и закомплексованных попытках имитировать иностранцев, как правило, в большинстве случаев заканчивающихся провалом.

Напротив, глобальный русский ощущает себя как дома во всем мире: «русскоязычные, свободно адаптирующиеся в любой стране мира люди, которые могут жить и работать где угодно.» Фраза «жить, где вздумается» повсюду

постоянно повторяется. Яковлев сам признался, что глобальные русские были «группой, которая до сих пор еще в процессе самоутверждения... а также и новая система ее ценностей.» Но пока сам термин быстро становился предметом насмешек в блогосфере, *Сноб* быстро приобрел группу читателей, которые лично почувствовали этот термин. Русский фотограф Артем Житнев писал:

"Она (идея) про нас. Живем, мол, мы себе в Берлине, Москве и Париже. А все равно русские. Как бы неважно, где живем. У нас общие книги, арт-перформансы, песенки в iPod' ах. Общая нелюбовь к консоме и любовь к пельменям. Это мы уверенно прикрикиваем на продавца в магазине миланской улицы Монте-Наполеоне. Придумываем Google. Смакуем „лафит“ в Париже. Завоевываем подиумы. Покупаем дворцы и издательства. Заставляем Европу есть блины с икрой».

Хотя в словах Житнева и отражается чувство космополитства, все же в нем просвечиваются нотки и высокомерной национальной гордости («Мы придумали Google»). Google может сколько угодно петь свою песню об open-source, но вряд ли бы Сергей Брин признал все «снобщество» создателями его разработки. Слова Житнева также показательны и тем, что в них «глобальный русский» ассоциируется с определенными привычками потребления. Это очень важная, но опасная территория: основными отличиями глобальных русских от «совка», который любит пельмени и хвастается своим вкладом в мировую культуру и «новым русским», который покупает дворцы так же как «совок» покупает пельмени являются вкус и культурные достижения («мы выигрываем на подиумах»).

Космополитизм глобальных русских содержится в самом имени: хоть на сайтах как *Сноб*, фраза «глобальный русский» и встречается довольно часто, никто из глобальной русской общественности и не скрывает, что это имя английское. Можно предположить, что в двуязычном обществе это имя звучит лучше на английском языке. В английском варианте, каждое слово состоит из двух слогов с акцентом на первый, пока как русский вариант состоит из семи слогов и неравномерных акцентов и почти однозвучен с нецензурными русским выражением. Но «глобальный русский» это также и идеологический выбор конфликтующий с нередким определением этой группы как «люди, живущие в разных странах, говорящие на разных языках, но думающие по-русски». Конечно же не удивит и то, что этот английский термин используется как оружие в руках ярых критиков *Сноба*. Лингвистическая равномерность сайта отражает спокойствие Житнева-путешественника: писатели на сайте не раскидываются англицизмами, если при этом существуют прекрасные русские слова для выражения их мысли. Но в то же самое время они и не избегают иностранных слов. Скорее всего, глобальные русские не используют английский для показухи, а наоборот – они настолько хорошо его знают, что и не заботятся об этом.

Ранние сторонники идеи глобального русского предавали большее значение термину «глобальный», хотя вторая половинка выражения, «русский», более спорна и плодотворна. Английское слово «Russian» эластичней и объемней русского слова «русский». Русское прилагательное (также часто используемое в качестве существительного) совершенно эквивалентно английскому только в том

случае, когда под ним подразумевается сам русский язык. В случаях же, когда имеются в виду вещи или люди, чаще используется прилагательное «русский». Как уже упоминалось, существительное используемое для определения русского гражданина тоже исходит из имени страны: россиянин. Одна из наиболее ярких ироний еврейской эмиграции из Советского Союза заключается в том, что причина их отъезда обычно была вызвана чувством дискриминации со стороны правительства и его жестких классификаций. Евреи считались «национальностью», которая была внесена в легендарный «пятый параграф» их документов. В России евреи, татары, немцы и все остальные люди, родившиеся на территории России, но не имевшие русских (православных либо славянских) корней, не считаются русскими. Напротив, приехав за границу, советские евреи (и вообще все белые люди, родившиеся на территории СССР) становились «Русскими».

Это всегда вызывало большое количество шуток. А не так давно американская программа «Russian Dolls» почти провалилась, потому что была совершенно непонятна отечественным зрителям. Для русских зрителей за пределами Америки, игра «русскими» стереотипами обернулась полным провалом, потому что каждая «матрешка» была русской или украинской еврейкой. Эти женщины, говорив на английском, постоянно называли себя и свои семьи «русскими» (даже доходило и до обсуждений, разрешат ли их родители выйти им замуж не за «русского» или нет).

Почти что с любой точки зрения, «Russian Dolls» это антитеза идеала глобального русского: недалекие, провинциальные и пошлые «матрешки» чем-то очень напоминают архетип «совка» (и что еще хуже – целые декады советского этнического юмора). Но внерассовое и внетерриториальное применение термина «русский» этими «матрешками» поучительно. В Нью Йорке язык часто ассоциируется с этносом («матрешка», бросившая своего «испанского» парня скорее всего не была в отношениях с человеком с Перинейского полуострова, говорящим на кастильском диалекте). Наоборот, выбор «снобством» английского термина для определения своей сущности противостоит всем узким и ограничивающим спецификам этнонимов русского языка. Выбирая английский язык, глобальные русские сбросили с себя всю неотъемную тяжесть термина «русский». Один из авторов журнала *Сноб*, Александр Гольдфар, может с легкостью рассуждать является ли он глобальным русским или нет, пока как вопрос о его «русскости» фактически не может быть рассмотрен. На русском языке – фраза «Александр Гольдфарб – русский» звучит не более чем этническая шутка в ожидании своей кульминационной концовки.

Здесь заметно желание найти более емкое слово. Официальный термин «россиянин» слишком высокопарен и формален. Как заметил один комментатор *Сноба*, этот термин звучит так же чуждо, как и «марсианин». Этот же комментатор подметил, что на английском (как и на других иностранных языках) выражение как «Russian of Polish descent» звучит вполне естественно, пока как на русском это же выражение просто комично. Имя комментатора? Ираклий Бузиашвили. Такого типа комментарий может быть оставлен любым русскоговорящим человеком. Но скорее

всего, тем кого зовут Иван Петров или Михаил Иванов это вряд ли бы понадобилось.

«Снобществу», которое само выбирает своих членов, скорее всего такие вопросы кажутся наиболее актуальными. Я не хочу перечислять авторов и комментаторов с еврейскими, грузинскими, и другими не-«русскими» фамилиями – это было бы не тактично и оскорбительно по многим причинам. Но даже невооруженному взгляду на сайте *Сноба* видно, что этнос играет роль не менее важную, чем мобильность и социальные классы в определении глобальной «русскости».

Диаспора начинается дома

Термин «глобальный русский» проблематичен не только для членов «снобщества». С политической или социологической точки зрения, он маргинален. В центре вопроса стоит маленькая группа людей, считающая себя элитой, больше представляющая собой идею, чем реальную тенденцию. Но сама эта идея очень ценна для понимания не только современной России, но и спорной взаимосвязи диаспоры и транснационализма. Со стороны кажется очевидным, что глобальные русские - транснациональны. Если они решили эмигрировать, то они с легкостью могут и вернуться. Часто они покидают страну по работе, и еще более лучшие возможности могут стать поводом для их возвращения в Россию. Еще более важно то, что чтобы быть глобальным русским вообще не обязательно покидать Россию.

И в то же время, «глобальные русские» помогут нам понять пост-советскую диаспору, если мы рассмотрим ее в контексте вышеупомянутой «потери». Как правило, диаспора определяется отъездом из родины и, либо успешным или неуспешным процессом ассимиляции (или вообще полным нежеланием ассимилироваться). Что за страну покидают глобальные русские? Советский Союз был межнациональной империей, практически не имеющей преобладающую национальность: человек не мог быть зарегистрирован как «советский» в пятом параграфе его документов. Но несмотря на различное отношение людей к идеологии и амбициям Советского Союза, несмотря на все самоненавистничество скрывающееся в стереотипе «совка», определение «советский» относилось ко всем вне зависимости от «национальности» (этнуса). Это определение, плохо это или хорошо – было основой общей культуры, общего происхождения, и даже общего языка (русского). Все, кто уезжал из России и из других республик покидал одну и ту же родину. Элитизм и космополитизм глобальных русских – это антитеза уже более не функционирующей советской идеологии, но только в смысле содержания, а не формы. В их рвении к интернационализму и уверенности, что русская культура является основополагающей, глобальные русские воспроизводят самые привлекательные стороны советских структур и дискурса. Они компенсируют потерю дома, сформировав и определив новое сообщество. Этот дом – не адрес и не улица. Этот дом – Советский Союз.

Таким образом, транснациональный характер глобальных русских, также как и их имя – довольно обманчив. Глобальные русские это советская диаспора живущая в мире, в котором возвращение на советскую родину уже невозможно. Они дают новое определение и русскому обществу: трансэтническое (как и советское) и детерриториализированное (изгнанное из своего советского дома). Глобальные русские – это настолько обширная «русская» диаспора, что она вмещает в себя всю Российскую Федерацию. Ровно также, как и миллионы тех русских, что «покинули» свою родину в 1991ом году не сделав ни шага, теперь они могут быть частью диаспоры не покидая своих уютных квартир в пригородах Москвы.